

ГЛАВА I

Когда в Лесу Мерцаний рождается новое дерево, четыре сестры-стихии празднуют его рождение, поднося ему плоды деревьев, из которых родились сами. И вот однажды одно из молодых деревьев выпустило на свет еще одну стихию.

Сестры до последнего вздоха будут помнить тот день. Лес Мерцаний не виден человеческому глазу и скрыт на западной стороне Сноудонии, сразу за проклятым мостом. Ступить на него — все равно что подписать себе смертный приговор: власть не жаловала любопытных нарушителей. Причина таких ограничений оставалась для жителей восточной стороны загадкой.

Кастилия Холодная, владычица воздуха, девушка с белоснежной кожей, черными, как остывший уголь, волосами и серыми, как зола, глазами услышала детский плач, когда собирала плоды своего сливового дерева. От испуга она выронила плетеную корзинку и в растерянности заметалась от одного дерева к дру-

гому в поисках источника человеческого плача, которого Лес и его жители еще никогда не слышали.

Вот он. Она нашла его. Младенец, заточенный в ствол персикового дерева. Кора вокруг него стала мягче подушки и светилась как солнце. Кастилия не решалась подойти к плачущему младенцу ближе. Она услышала шаги позади — сестры спешили на плач.

— Не может этого быть, — шептала Эрзария Отважная, владычица земли. Ее кудрявые каштановые волосы спадали на грудь, скрывая хрупкие ключицы. — Этого просто не может быть.

Райбин Справедливая, владычица огня, вышла вперед и робко протянула руки к младенцу. Она освободила ребенка от мягкой коры и приложила к груди. Сестры смотрели на нее с восхищением: ни одна из них не решилась бы на такое — они ни разу не видели человеческого дитя.

Райбин была мудрой. Укачивая ребенка, она произнесла:

— Я знала, что этот день наступит, и вот, когда пробило час рождения нашей пятой сестры спустя сотню лет ожидания, так страшно держать ее в руках.

— Разве... разве у нас может быть пятая сестра? — робко спрашивала Ландиниум Прекрасная, владычица воды. Девушка с внешностью богини Афродиты, с золотистыми волосами, что вились до колен. Ее нежность отражалась в каждом плавном движении, робком шажке и даже в дыхании.

— Разве может быть пятая стихия? — спрашивала Эрзария.

— Не может, — отвечала Кастилия. Она не сводила с малышки пытливого взгляда и с едва скрываемым любопытством, смешанным со страхом, наблюдала, как та хнычет, перебирая тоненькими ручками в поисках материнской ласки, которую так отчаянно пыталась подарить ей Райбин. — Ни пятой сестры, ни пятой стихии быть не может, и стихия не рождается младенцем, как это бывает у людей. Мы обретали свои человеческие образы со временем и не были детьми. Значит, в этом ребенке нет ничего от нас. Она не такая, как мы. Она человек. Ее нужно отнести к людям.

Ландиниум съезжилась. Девушка была ранимее и чувствительнее остальных сестер и ощущала, что рождение новой сестры знаменует лишь беду. Но не могла понять, какую.

Сестры решили судьбу малышки без участия Леса Мерцаний. Они и не подумали советоваться с ним, а он не стал противиться.

В человеческом мире господствовала ночь. Смелость отнести людям дитя взяла на себя Кастилия: если неожиданно нагрянет беда и люди ее заметят, она обратится в ветер и унесется обратно в Лес. Кастилия накинула на себя темные одеяния и укрыла младенца от холода их мира. Потом вышла из Леса Мерцаний в человеческий лес и добралась до ветхого каменного моста — одного из величайших творений тех дней.

ПЯТАЯ СЕСТРА

Полуразрушенный, разложенный по каменным кирпичам, он удивлял любого своей живучестью. Кастилия перебралась через мост и незаметной тенью ускользнула в ночной город. Лишь огни королевского замка, что виднелся издали, были ее ориентиром.

Кастилия боялась ошибиться в выборе нового дома для ребенка и заглядывала в окошки каждого домика, где при свете догорающей свечи могла сидеть семья, чья аура не отпугнула бы ее.

Наконец выбор был сделан. Она напоследок взглянула на мирно посапывавшую сестру, и по ее холодной щеке сползла слеза.

Может, она ей вовсе и не сестра? Может, она предвестница беды для Леса Мерцаний, ее дома и обители? Эти мысли помогли Кастилии избавиться от сожалений. Она положила малышку на порог дома и постучалась, после чего растворилась в воздухе.

Замок щелкнул, дверные петли лениво заскрипели, и на пороге показалась женщина средних лет. Она была низкой и немного горбатой, в перепачканных сажей и жиром лохмотьях. Запах костра, исходивший от нее, смешивался с чем-то кисло-сладким. Кастилия напряглась от ее вида, но волнение сменилось облегчением, когда в безжизненных, усталых глазах женщины мелькнули искры нежности и милосердия. С незнакомым Кастилии трепетом женщина взяла ее маленькую сестру и прижала к груди.

— Кто же мог бросить такое чудо? — спросила она хрипло и оглянулась. Ни души.

МЕДИНА МИРАЙ

Кастилия развернулась, чтобы уйти, но вдруг услышала голос Леса Мерцаний. Ни женский, ни мужской. Гулкий, громкий, эхом отдающийся в голове, доводящий до дрожи.

«Отдав дитя в мир человеческий, вы накликали на всех беду. Но не отдай вы ее людям, угроза выросла бы в разы. История столетней давности повторится вновь. Прольется на наши земли людская кровь. Беда неминуема для всех нас. Берегите сестру от злобных глаз».

ГЛАВА 2

Сегодня холод в коридорах тюрьмы был даже сильнее, чем обычно. Он проникал в сердца людей, которые прятались в углах, считали камешки под продрогшими ногами, стучали зубами и молились, чтоб этот день скорее закончился. Здесь были женщины и дети, старики и даже незрячие, которых якобы уличили в клевете где-то в одном из вонючих переулков. Здесь были женщины-изменщицы и мужчины-изменщики. Они ютились в маленьких камерах, прижимаясь друг к другу в ожидании своей участи.

Но один из заключенных был не похож на остальных. Щуплый, с бородкой, в забавной шляпе-колпаке, в плаще и драных ботинках. Маленькие глаза прятались под бровями, кулаки сжимали седые пряди. Он кашлял, чихал, сморкался и вздыхал, со скукой наблюдая, как с потолка по промерзлой стене стекает вода. Короткими толстыми пальцами он нащупал в кармане вещь и в успокоении прикрыл глаза. Он хранил ее годами, прятал, грел теплом своего тела, как делали его погибшие друзья.

Там было то, что свет могло пролить на канувшие в лету годы. Там было то, что свергнуть власть могло.

Этой вещице не было места в мире людей, поэтому он хотел выбросить ее там, где ни один человек ее не найдет.

Но вот где?

* * *

— Ну что, милая, как живется?

Разодетый горбатый старикан вразвалку подошел к девушке. У него была короткая седая борода, лысая макушка, поседевшие виски и выразительные черты лица. В молодости этот человек был красив, может, даже разбивал женские сердца. В голубых глазах и сейчас жила эта искорка молодости, хотя проходящие годы и старались ее потушить. Старик казался толстым и неуклюжим, но не из-за лишнего веса, а из-за того, что таилось под его кожаным, разодранным и штопаным плащом. Он морщился от смрада, пропитавшего стены переулка, куда не попадали лучи палящего солнца, но потом увидел яркие зеленые, будто светящиеся в темноте, глаза на невозмутимом лице девушки в бежевых одеяниях, и его лицо разгладилось. Он выпрямился — образ горбатого старика был обманкой.

Девушке в бежевом платье и плаще с капюшоном, казалось, не больше шестнадцати. Рыжие пряди лежали на плечах, руки устали от большой и тяжелой корзины с фруктами.

— Как ты и просила. — Старик с холодным выражением лица вытащил из-под плаща книгу. Толстую, с поврежденным корешком, написанную вручную. Из нее торчали отклеившиеся страницы, куски бумаги с надписями и закладки.

Девушка тут же с треском опустила корзину. Взяв в руки книгу, она ахнула и принялась с дрожью перелистывать страницы, любуясь наклонным почерком, мазками, рисунками существ, каких давно не было в мире. На одной из страниц виднелось пятно крови. Она сглотнула, медленно закрыла книгу и прижала ее к себе.

— Она бесценна.

— И стоит немало, — старик сузил глаза, оглядываясь по сторонам, — но что страшнее, она может стоять и нашей жизни, если мы сейчас не разойдемся. Знаешь ведь, что такие книги запрещены.

Девушка тут же потянулась в карман за деньгами.

— Где же вы ее взяли, господин Стоун? — Она протянула старику мешочек, набитый золотыми монетами. Ей было нисколько не жаль прощаться со своими накоплениями за последние полгода. Еще дешево обошлось.

— У моих знакомых была библиотека. — Старик даже не стал пересчитывать монеты, просто положил в карман. — Чума настигла их, и книги остались без хозяев. Эти люди... Их и людьми назвать сложно. Они были невысокими, мягко говоря. Думаю, они...

— Гномы? — отразился от стен воодушевленный голос девушки.

— Тсс, — приложил старик палец к губам. — С тех пор я распродаю эти книги под страхом проклятий. Мало ли, что могли на них наложить. Бросать жалко, вдруг кому пригодится, да и заработать можно. Но страшно перед властью.

— А остались еще какие-нибудь книги?

— Из того, что могло бы тебя заинтересовать, Мелани, ничего.

— И все равно спасибо.

— Тебе тоже спасибо.

«За то, что достаточно безумна и бесстрашна, чтобы покупать такие вещи».

Старик вновь принял образ горбатого простачка и повернулся к выходу на безлюдную улицу. Мелани повернулась в противоположную сторону.

— Прощайте, — помахала она рукой.

Старик не оглянулся.

Солнце резко спряталось под покровом облаков. Холодный летний ветер нес их в сторону городка, задевая верхушки деревьев, заставляя ставни окон скрипеть, а людей на рынке поспешно собираться домой, чтобы укрыться от дождя. Летние дожди были сильными, с градом. И это играло Мелани на руку. В суматохе она быстро прошла рынок и устремилась по безлюдной улице. Начался дождь. Мелани хлюпала по мягкой земле, кусочки грязи липли к ногам и плащу, книга в сумке больно билась в бок.

Мелани спряталась под козырьком булочной, чтобы передохнуть — холодный, пропитанный влагой воздух резал легкие.

— Не правда ли прекрасная погодка?

Мелани оглянулась. Слева от нее стоял юноша. Лицо скрывали золотистые пряди волнистых волос, выглядывавшие из-под капюшона плаща.

— Не сказала бы. — Девушка поглядывала на незнакомца искоса, прижимая к себе сумку с книгой.

Юноша снял капюшон и с легкой улыбкой повернулся к ней. Его пронизанный любопытством взгляд заставил Мелани насторожиться. Он смотрел так, словно знал ее маленький секрет.

— А мне нравится погода здесь, — сказал он, устремив взгляд на небо. — Она мрачная, как и сам городок. Холодная, как сердца его правителей. Свободная, как сердца горожан.

Мелани с детства считывала людей: их мотивы, характер, эмоциональное состояние. Достаточно лишь взгляда, тембра голоса, улыбки. Но этот юноша был непробиваем. Словно спрятался под железным куполом, сквозь который Мелани не могла пробиться.

Матушку всегда восхищал ее дар, но о нем знали лишь они двое. Если вынести эту тайну за пределы дома, то могут обвинить в колдовстве, и расправа не заставит себя ждать.

Мелани — не колдунья, не ведьма и даже не знахарка, которую можно спутать с первыми двумя. Она обычный человек. Так ей казалось. В моменты, когда рядом не было никого и ничего, кроме света камина, ветхих столов и стульев, пледа из овечьей кожи на плечах, она задумывалась над тем, кто ее родители. Матушка Беа-

трисия честно и с самого младенчества Мелани открыла ей правду. Она бы с радостью солгала ей, но это лишь отсрочило бы момент истины.

— Сердца горожан не свободны, — ответила Мелани и пожалела в ту же секунду, подумав, что юноша может быть связан с королевской семьей. Она сильнее сжала корзинку и приготовилась бежать, если так оно и окажется. Но парень лишь ухмыльнулся и произнес:

— Вот именно, дорогая Мелани.

Девушка успела только раскрыть рот, чтобы спросить, откуда незнакомец ее знает, когда тот исчез. Растворился в воздухе, словно его и не было. Ничто не указывало на его присутствие здесь секундами ранее. Ничто, кроме нежного, бархатного, пьянящего голоса, который все еще звучал в ее голове.

Мелани протерла глаза свободной рукой, пытаясь понять, было это видение или она действительно только что говорила с незнакомцем.

Холодный дождь бил по крыше козырька, убаюкивая. Поддавшись чувству умиротворения, Мелани выбросила произошедшее из головы. Беседа с юношей была реальностью, и неизвестная сила подсказывала ей, что новая встреча неизбежна.

Она могла еще долго простоять под козырьком, но нужно было торопиться. Мать наверняка давно пришла домой, уже готовила обед и ждала свою дочь, волнуясь, где же та пропадает. Не поймали ли ее стражники, уличив в хранении запретных книг? Не ждать ли ей смерть на пороге?